

Тимофей встал, не обуваясь, босиком прошёл на кухню к крану и с жадностью припал к струйке воды. Напившись, отошёл, присел на табурет: «И чего мы вчера пили? Бормотуху? Нет, что-то другое...». Посидев несколько минут, Тимофей так и не вспомнил, какую заразу вчерапил с мужиками. Вернувшись в комнату, прилёг на старенькую софу. Воспоминания закружились, словно пчёлки: а как всё было хорошо, как его, подростка, обучал в музыкальной школе на саксофоне художавый старик немец Франц Георгиевич Каспер. Он постоянно надевал пенсне, когда они разучивали ноты, и вместе с ним напевал мелодии. Уже в то время Франц Георгиевич в нём видел одарённого ученика:

– Ты хороший мальчик. Будь молодцом! Не валяй дурака, вникай, учись.

Стать хорошим музыкантом – нужно иметь талант, как раз всевышний и наделил Тимофея этим даром. После окончания школы он без вступительных экзаменов поступил в музыкальное училище. Окончив, попал в ряды Советской Армии. Отслужив, Тимофей вернулся домой и трудоустроился в городской симфонический оркестр. Проработал там больше десяти лет, но из-за неоднократных прогулов Тимофея попросили написать заявление на увольнение. Кое-как сводя концы с концами, устроился дворником, и даже какое-то время практически не пил. И чтоб не потерять квалификацию музыканта, Тимофей выходил на Плехановский рынок и выступал в качестве уличного музыканта. Правда, в последнее время уходил в запой.

Возник серый кот, выгнув хвост трубой, закрутился возле софы. Тимофей вспомнил, что не кормил Ваську. Нехотя встал, прошёл к холодильнику, открыл. Там кроме пакета кефира ничего не было. Прощёл к миске и налил кефир. Кот подбежал и начал с жадностью лакать. Напившись, Васька отошёл в сторону, расположился умываться. «Ну вот, опять жди незваного гостя!» – подумал Тимофей. Действительно, в дверь кто-то громко постучался, и так несколько раз. Тимофей спросил:

– Кто там?

Не дожидаясь ответа, открыл дверь нараспашку. На пороге стоял долговязый и худой алкоголик Колян, мужик средних лет.

– Ну, проходи, что ли... – Тимофей пропустил гостя и захлопнул за ним дверь. Они прошли в комнату. Колян из внутреннего кармана вытащил бутылку с мутной жидкостью.

– Ну и где посуда? Налить? Щас налью, – на его худом и небритом лице появилась безрадостная улыбка. Тимофей вышел и через некоторое время принёс два стакана, поставил их на стол. Колян тут же разлил из бутылки и махом выпил. Тимофей без энтузиазма пропустил стакан. После чего почувствовал жжение, и его затошнило. Он только успел дойти до туалета, как его вырвало.

– Не пошла, зараза, – вслух сказал сам себе Тимофей и снова направился в комнату, где ждал его Колян.

– Слушай, где ты эту дрянь взял? – спросил Тимофей.

– Да у Надьки Косой, – спокойно ответил Колян. – Она же продаёт для своих мужиков. А что, не пошла? У меня, как видишь, всё нормально. Ладно, я пойду.

Он вышел, даже не попрощавшись с Тимофеем.

«Ох уж эта Надька! Участковый тоже хорош! И мы молодцы, не смотрим, чего берём у Надьки».

Он прилёт на софу, и снова его стали одолевать воспоминания.

Отец Тимофея, Степан Григорьевич Кравцов, проработав всю жизнь на заводе простым мастером, так и не смог получить благоустроенную квартиру. Даже получив инфаркт, отец ни в какую не хотел ложиться в клинику мединститута. Врачиха скорой помощи кое-как его уговорила. Прележав там пару недель, отец сбежал. Степан Григорьевич по натуре был упёртым, но справедливым мужиком. Может, поэтому отца не так понимали люди. А что касается матери, Галины Ларионовны, то можно сказать кратко: рассудительная, спокойная и деловая женщина. Она прекрасно следила за семейным бюджетом. Младший брат Петька после окончания геологоразведочного техникума уехал в Магадан. Там и женился на однокурснице Ванде Савицкой, белокурой красавице, польке по происхождению. Да, вот такая была раньше семья Кравцовых.

А когда-то Тимофей собирал народ из близлежащих дворов на свои концерты по большим праздникам, и народ танцевал под его саксофон. Да, были времена, и есть что вспомнить.

Снова перед глазами встала его зазноба, Ольга Забавникова. Невысокая, сероглазая и стройная шатенка, подруга детства. Они росли вместе. Все знакомые предрекали им, что они – прекрасная пара, но Ольга не дождалась Тимофея из армии, просто взяла и выскочила замуж за своего однокурсника по мединституту. Причину потом ему объяснила Ольгина подруга Клара: этот самый Дима приходился родным племянником Михаила Михайловича Кондрашова – профессора мединститута и уважаемого гражданина города, потому для дальнейшего роста в карьере была неплохая перспектива. Видимо, такой шанс упустить было нельзя, чем воспользовалась Ольга, а её мать Татьяна Алексеевна в этом сыграла важную роль. Тимофей Ольгиной матери не нравился. «Неперспективный «музыкантишка» не пара моей дочери», – так она рассуждала. В итоге Ольга выучилась на терапевта и родила двух мальчишек своему Кондрашову. Парни выросли, выучились на компьютерщиков и уехали за границу. Один женился, второй холостяк. Сейчас она с Кондрашовым проживала где-то в Подмоскovie. Ох, если бы не мать Ольгина, может, всё по-другому сложилось в их судьбах. Кто знает? Действительно – кто?

Тимофей аккуратно вытащил саксофон из футляра, и полилась гершвинская мелодия «Колыбельной», когда ему бывало грустно, он брал саксофон и играл её для себя. На этот раз ему было совсем плохо. Проиграв мелодию до конца, Тимофей убрал саксофон в футляр, вышел из квартиры. Пошёл по улице Советской в сторону остановки Плеханова. Ночью прошёл дождик, и утренняя

свежесть будоражила тело Тимофея. Он съёжился, приподнял воротник и ускорил шаг, прижимая к себе футляр с инструментом.

Сам рынок располагался по переулку Плехановскому. Одно время там стояли ряды, но их потом заменили киоски и ларьки, чего там только не продавали. Рынок, словно муравейник, начинал жить с самого утра и гудел до позднего вечера. Как всегда, Тимофей расположился на своём обычном месте, правда, в конце дня подходил какой-нибудь сотрудник милиции и брал мзду за это место, в зависимости от того, сколько набросают монет. Этот рынок «держала» доблестная милиция, и никому другому не обламывалось на нём хозяйничать. Даже блатные обходили этот рынок стороной. Всё закономерно и понятно. Настроившись, Тимофей заиграл мелодию. Проиграв несколько композиций, присел на ящик. Рынок проходной, и через него толпа шла хорошо, почему успели ему в футляр накидать. Вдруг услышал:

– Значит, джаз – твоя работа?

Перед ним стоял рослый мужик-франт возрастом под «полтинник», причём с приятной внешностью и озорным взглядом.

– Ну да! – без всякого смущения ответил Тимофей. Саксофон для него был как хлеб насущный, он этим жил.

– В общем, так. Хочешь заработать? Ага, вижу, что хочешь. Моя племянница выходит замуж, а съездить нужно в Новосибирск. Все расходы беру на себя. Короче, если ты весь вечер отыграешь, получишь столько, сколько никогда не зарабатывал. Я давно за тобой смотрю. Джаз – моя стихия. Ну так как, по рукам?

Он протянул руку, Тимофей, не раздумывая, ответно протянул ему свою и крепко пожал. – Ну, вот и прекрасно, а сейчас собирайся и поехали. Вымоем и принарядим как человека.

И мужик направился в сторону улицы Гагарина. Прихватив футляр, Тимофей пошёл за ним. Мужик повернулся к нему:

– Мы с тобой не знакомы. Меня зовут Фролом. Я полгорода держу. Так что, если что, обращайся к белокурой толстухе Розе, которая продаёт цветы на углу Ленина и Плеханова. Там все цветочницы её знают.

– А меня – Тимофеем! – ответил Тимофей.

Они дошли до иномарки стального цвета, залезли в салон.

– Так, давай трогай к Матвею на заимку! – приказал Фрол здоровяку-шофёру. Автомобиль плавно тронулся с места, и они поехали. Сделав свои дела, Тимофей вернулся домой, накормил кота. Закрыв дверь, включил радио. Лёг до утра.

В Новосибирске всё прошло удачно. Тимофей остался доволен: отработал всего один вечер, получил хорошую зарплату, и, чтоб не скучно было, купил небольшой импортный телевизор с плеером. Сегодня льёт дождь с самого утра. Тимофей включил телевизор, там шла передача-шоу, где Жириновский высмеивал Немцова. Пультom переключил на другой канал, там шёл боевик с Сильвестром Сталлоне.

Тимофей лежал, глаза слиплись, и он заснул. А когда открыл глаза, то увидел: напротив него, в углу, стоял бородатый мужик-крепыш, весьма странно одетый – в косоворотке, жилетке, шароварах и до блеска начищенных сапогах.

Будто пришёл из сказки, а может, из другого мира. Мужик стоял и улыбался, только глаза поблёскивали.

– Дядя, а ты случайно не ошибся номером квартиры? – задал незнакомцу вопрос Тимофей.

– Я хозяин этого дома, купец третьей гильдии Балашов Василь Елизарович. А ты, значит, мой квартиросъёмщик.

Он прошёл и по-хозяйски сел на стул.

– Какой ещё твой квартиросъёмщик? Ты вообще откуда такой взялся? – начал раздражаться Тимофей от такого разговора.

– Чтоб тебе ясно стало: я отсюда не уйду, это мой дом, по улице Еланской номер двадцать ... – он не договорил, но, подумав о своём, заговорил снова. – Я налоги за него аккуратно плачу господам в городскую управу.

Он зыркнул на Тимофея, глаза его вновь блеснули.

Действительно, дом-то этот старинной постройки. Получается, мужик из другого времени сюда прибыл, сидел и рассуждал Тимофей.

– Квартиросъёмщик, а чаво замолчал? Однако синематограф у тебя какой-то странный и бесконечный, – поинтересовался купец, глядя на телевизор.

– Он вообще-то называется телевизором.

– Телевизором? – переспросил купец.

– Я вот думаю: и зачем ты, дядя, ко мне пожаловал?

И, не дав ответить купцу, продолжил:

– А знаешь, какой сейчас год? – и Тимофей посмотрел на купца.

– Тысяча восемьсот восемьдесят девятый... – не моргнув глазом, ответил купец.

– Ответ неправильный. Две тысячи третий год, – спокойно сказал Тимофей.

– Да ну! Не бреши, не верю... – не поверил купец.

– Ты как тот Фома неверующий. Ладно. Тебе нужно переодеться, пойдём, прогуляемся. Посмотришь, как мы сейчас живём. Снимай рубаху, я дам тебе чистую, с пиджаком. На вот, держи зажигалку, поразвлекайся.

И чиркнув разок, сунул ему зажигалку, сам прошёл в другую комнату. Купец с интересом разглядывал зажигалку как диковинку. Покопавшись в шкафу, нашёл то, что хотел:

– Так, скидывай и одевай вот это, – и он отдал купцу то, что принёс.

– Сам-то чем занимаешься? – задал вопрос купец Тимофею.

– Да вот на саксофоне играю, – и он вытащил саксофон, заиграл блюз, а когда закончил, услышал от купца похвалу:

– Играешь ты хорошо. Жаль, здесь нет скрипача Соломона Каца, и я бы вам подыгрывал на ложках аль на бубне, у нас неплохо получилось бы. Отец родной Елизар Григорьевич на мои скрипичные ученья сказал так: три года дурака, видишь, поваял – и хватит с тебя. Я, конечно, не в обиде, раз было сказано – хватит, так значит, хватит. На том и закончились мои учения. Музыкантом я не стал, но в музыке кое-что смыслю.

– Не факт! – и усмешка поползла по лицу Тимофея.

– Ты мне брось, ладненько у тебя получается, а втроём бы уж как-нибудь осилили, – закончил разговор купец.

– Ну, тогда пойдём прогуляемся, – пригласил купца Тимофей.

Они стояли на улице. Купец с любопытством рассматривал, что вокруг творится. Подошёл к фонарям, неоновый луч, словно прожектор, просвечивал темноту. Свет мягко падал на всё окружение. Насмотревшись вдоволь, купец отошёл и заговорил:

– Поди-ка, китаец придумал это чудо. Нет, немец – они точность и аккуратность соблюдают, – и он глянул на Тимофея.

– Не совсем. Начинать разработкой заниматься российский учёный Яблочков, но довёл до конца эту идею Никола Тесла в Америке. – Тимофей смутно, но помнил, а вот кто неоновыми лампами занимался, так и не вспомнил.

– Знаешь, я потом узнаю, скажем, завтра.

И они пошли дальше. Прошли порядочно. Вышли к Лагерному саду на набережную Томи.

– Видишь, как обмелела Томь. Делай соображения, – Тимофей посмотрел на купца. При полной луне видимость была исключительна.

– А чаво с ней сделали? – на этот раз купец взглянул на Тимофея.

– Видимо, неправильно черпали гравий со дна, – усмехнулся Тимофей.

– Значит, неправильно, – согласился и покачал головой купец.

– Ладно, пошли на мост, – и Тимофей повёл купца дальше.

Они прошли через Лагерный сад и спустились по спуску к мосту. Прошли немного. Остановились, всматриваясь в тёмные воды Томи.

– Крепкий мост! – высказал мнение купец. Мимо проехала небольшая колонна грузовых машин. Они оба посмотрели ей вслед. Время подгоняло. Они торопливо направились в сторону Тимофеева дома. Только они подошли на спуск улицы Советской, их обогнал трамвай. Купец даже удивился от его быстрой езды.

– Отчего так несётся, словно сумасшедший? – и покачал головой. Проходя мимо старинного особняка, купец обратил внимание на табличку «улица Советская»:

– Это с каких пор моя улица стала называться Советской? Я живу на Еланской, – купец остановил Тимофея и глянул ему в глаза.

– Эх, дядя! С советских времён. Пошли! – Тимофей, не оборачиваясь, пошёл. Купец шёл сзади и всё не унимался:

– Ишь, с советских! Только кто дал им такое право? Я вот смотрю, собор тоже убрали, а чего помешал?

Купец остановился и глянул на сквер, расположенный по всей Новособорной площади, а потом на городской сад. На этот раз Тимофей ничего купцу не ответил. Они преспокойно дошли до места. Уже в квартире первым заговорил купец:

– Странная жизнь, не всегда понятна, и чаво ей надо. Ты знаешь, как я к вам попал? Не знаешь!

– Без понятия.

– Появился в нашем городе колдун, он сможет хоть што сделать. Моя баба в гости к нам зазвала. Ей, вишь, приспичило узнать – он мошенник аль настоящий колдун. И решила она меня переместить из одной комнаты в другую. Вот и переместила.

- Попал ты, дядя, я тебе не завидую.
- Да не говори. А чаво я бабу послушал?! А у вас здесь-ка хорошо.
- Ничего хорошего, – недовольно ответил Тимофей.
- Всё механическое, лектрическое... – остановился, не договорил купец.
- А как ты хотел? Сейчас другое время. Прогресс!

А за окном рассветает. Внешний мир настоящим просыпается. Наступает коротенькое затишье. Тимофей взял пульт, включил телевизор. Шла утренняя программа по Первому каналу. Он не заметил исчезновения купца, а когда спохватился, было уж поздно: тот как в воду канул. «Что пришло, то ушло», – невольно усмехнулся Тимофей.

* * *

Две недели пролетели незаметно. Тимофей, как обычно, каждый день отправлялся на рынок, и в этот раз он только расположился, как услышал мужской тенорок:

– Привет, Тимоха!

Он приподнял голову и глянул на того, кто ему передал привет. Напротив стоял мужик средних лет в кожаном пиджаке и чёрных джинсах – старый знакомый Семён Максимцев ему протягивал руку. Тимофей тут же ответил дружеским рукопожатием. Семён сразу завёл разговор:

– Я смотрю, ты тут завсегдаем стал.

– Мне выжить нужно, сам видишь, как я выживаю.

– Серьёзный случай. Вечером приходи к «Вечному Зову». Поработаешь. Короче, приходи, а охраннику скажешь, что пришёл к Максимцеву, тот тебя пропустит. Я часам к девяти подойду.

Хлопнув Тимофея по плечу, Семён отправился дальше своей дорогой. Он Максимцева давно знал, они пересекались с ним на юбилейной встрече выпускников прошедших лет, проходившей в музучилище пятнадцать лет назад. Семёна в тот год приняли в Союз писателей, и через их организацию пригласили на эту встречу. Максимцев выступал как бард. То знакомство между ними через годы переросло в хорошую дружбу. Отыграв как положено, Тимофей хотел было уйти, но к нему подошёл сержант милиции:

– За тобой должок! Ты нам за три дня не отдавал.

– А я два дня сюда вообще не приходил, погода капризничала.

– Хорошо! Но за сегодня отдай!

В футляре лежала мелочь и несколько купюр. Сержант забрал почти всю наличность, но оставил несколько монет с одной купюрой.

Стрелки близились к половине восьмого вечера. Тимофей не спешил, он сидел в кресле, выжидая, просматривал по телевизору последние новости. В углу скрипнуло, оттуда послышался голос:

– Чаво сидишь, гостей не встречаешь?

В углу маячили две фигуры.

– Соломон! – пролепетал худощавый, бородатый, держащий под мышкой футляр со скрипкой, весь в чёрном одеянии старик, стоящий рядом с купцом. Вышел, снял шляпу. Из-под неё с висков сосульками свисали пейсы.

– Тимофей!

И сразу заговорил с купцом:

– Василь Елизарович, ты внезапно пропал, и вновь появился, как чёрт из табакерки.

– Баба напугалась моему исчезновению и заставила колдуна вернуть меня назад. И тот исполнил её желание, но не сразу, ему нужно было настроиться.

– А зачем вернулся?

– Да тут увидел у вас зажигалку, и мне захотелось несколько штук забрать к себе, и познакомить тебя лично с Соломоном, моим учителем по скрипке.

– Зажигалка – вещь отличная. Раньше они были бензиновые, а сейчас газовые, – Тимофей выключил пультом телевизор.

Соломон, словно замороженный, открыл рот от увиденного. Он стоял и моргал на это «чудо».

– Так, хорош глазеть. Мы сюда попали по делу, – прошёл к дивану и присел на него купец. Следом за ним направился Соломон, присел на табурет.

– Мне сейчас собираться надо. Если хотите, пойдёмте со мной. Мне предложили сыграть сегодня вечером.

Они меж собой переглянулись, и в один голос сказали:

– Мы согласны!

Они беспрерывно играли больше часа на небольшой сцене «Вечного Зова», но в основном еврейские мотивы. Толпа их не отпускала. Вышел ведущий, оповестил публику:

– Маленький антракт.

И ушёл со сцены. Они вошли в небольшую комнатку. Соломон присел на табурет, стоящий возле двери. Тимофей примостился на маленький пуфик возле зеркала. Купец, тяжело дыша, уселся на второй табуретке, стоящей в углу комнатки. Они сидели и молчали. Дверь приоткрылась, и вошёл Максимцев.

– Ну и дали вы жару! Молодцы! Вот ваша зарплата. Держи! – Семён вытащил небольшую пачку денег и отдал Тимофею. – А сейчас вы должны уйти, такое здесь правило.

Он повёл всех троих через кухню, оттуда на улицу Советскую.

– Так, держи мою визитку. В случае чего звони, помогу, чем могу. А вам, мужики, отдельное спасибо, – улыбнулся Семён и исчез за дверью.

– Так, мою долю дай на зажигалки, – купец протянул руку.

– А ты не дурак, Василь Елизарович, – усмехнулся Тимофей. Соломон промолчал, не стал вступать в их разговор.

– А как ты хотел, я же купец!

– Ладно, сейчас подсчитаю, что заработали, отдам тебе твою долю, и иди покупай чего хотел, – они вошли в подворотню Дома учёных.

Тимофей быстро подсчитал деньги, раздал каждому его долю. Зашли в минимаркет, купили целую упаковку газовых зажигалок, три банки пива и отправились домой. Соломону пиво не понравилось, он сразу оставил банку на дороге. А купец вылил пенную жидкость из банки, а ёмкость бросил в урну.

В комнате стояла тишина.

– Ну так вот, Тимофей. Может, больше не свидимся, – проговорил купец.

– Василь Елизарович! Я тоже тебя не забуду. Спасибо, что навестил, – Тимофей отвернулся, горечь в горле встала. – Плохо, что вы уходите. Мне так вас будет не хватать. Честно говоря, я к вам привык.

Тимофей вышел на кухню и налил в миску супчика из кастрюли, следом за ним проскользнул кот, посмотрел на миску, а потом на хозяина, и сразу убежал. Когда Тимофей вернулся в комнату, там никого не оказалось.

«И снова тихо ушли. Жалко», – с грустью подумал о гостях Тимофей.

... Внезапный стук в дверь. «Опять кого-то принесло», – и он пошёл открывать дверь.

На пороге стоял и улыбался ему Максимцев.

– Войти можно? – скромно спросил его неожиданный гость.

– Проходи! – и пропустил Максимцева.

– У меня к тебе такое дело, – заговорил Максимцев. – Ты бы смог со своими мужиками снова выступить?

– Нет, такое бывает в жизни один раз, – с грустинкой в лице улыбнулся ему Тимоха.

– Жаль! – Максимцев развёл руками, направился к выходу. Тимоха промолчал, он смотрел через стеклинку, что происходит на его родной улице.

А за окном блеснул луч солнца.

Прошёл, звеня, первый трамвай.

Пролетела пара голубей. Любимый город просыпался...